

ОБ ОТНОШЕНИЯХ БАШКИР С КАЗАХАМИ МЛАДШЕГО ЖУЗА В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ НУРАЛИ-ХАНА

В статье показаны важнейшие вехи истории башкирского и казахского народов, прослеживается эволюция башкирско-казахских отношений во второй половине XVIII в. в контексте национальной политики русского правительства. На основе архивных материалов существенно пополняется картина событий в период башкирского восстания 1755 г., приводятся новые сведения о последних годах казахского хана Нурали, проведенных в уфимской ссылке.

Ключевые слова: башкиры и казахи, русское правительство, национальные движения, упадок ханской власти в Казахстане.

Башкир и казахов объединяют общие исторические, этнические и культурные корни, язык, уклад жизни, традиции и вера. На протяжении веков жители Урала поддерживали со своими кочевыми соседями многосторонние связи. Поэтому для целостного восприятия истории этих двух народов необходимо подробное изучение их взаимоотношений. На сегодняшний день наиболее известными являются события, связанные с башкирским восстанием 1755 г., специально рассмотренные советским историком А. П. Чулошниковым¹. Эти события, происходившие при Нурали-хане, стали переломными в истории башкирско-казахских отношений. Правление Нурали-хана, длившееся почти всю вторую половину XVIII в., сопровождалось значительными переменами в Казахстане и Башкирии. По мере изменения политической обстановки менялся и характер отношений. Несмотря на то, что отдельные аспекты этой темы получили отражение в литературе, следует признать, что она до сих пор не стала предметом специального исследования. Этой проблеме и посвящена настоящая статья.

Как известно, до XIX в. Казахстан разделялся на три жуза: Старший, Средний и Младший. Наибольшее соприкосновение с башкирами имели казахи Младшего жуза. Особенно близкими контакты были в первой трети XVIII в. Правитель Младшего жуза Абулхаир-хан принимал участие в башкирском восстании 1707–1711 гг. В начале 1730-х гг. старшины Ногайской дороги выступили посредниками в русско-казахских переговорах, в результате которых Младший жуз перешел под протекцию России. Ухудшение началось в ходе башкирского восстания 1735–1740-х гг.,

вызванного действиями Оренбургской экспедиции. Хан Абулхаир, оказавшийся перед сложной политической дилеммой, пошел на свертывание казахско-башкирских отношений². Среди казахской верхушки далеко не все поддерживали политический курс Абулхаира, что, в конце концов, стало причиной его гибели.

Приемником Абулхаира, при активной поддержке И. И. Неплюева и А. И. Тевкелева, стал его старший сын Нурали. Выборы нового хана прошли с нарушением многовековой традиции чингизидов, с участием ограниченного количества людей. Жалованной грамотой Елизаветы от 26 февраля 1749 г. Нурали был утвержден, и в августе присягнул на верность императрице. Таким образом, Нурали стал первым казахским ханом, фактически получившим власть из рук русского правительства. Сильная оппозиция его власти существовала даже внутри Младшего жуза, где на ханство давно претендовал Батыр-султан, обладавший не меньшим авторитетом и влиянием, чем Абулхаир. Потомок древнего общенационального правителя хана Джадька, сын бывшего хивинского хана Каипа, отец правящего хивинского хана Каипа, Батыр был самым старшим по возрасту среди казахских династов. Он был выбран ханом рядом родов, живших у Аральского моря, параллельно с назначением Нурали.

По словам русского историка А. Рязанова, «...имея много врагов в орде, Нурали-хан не мог вести самостоятельную политику, подобно предкам. Он постоянно опасался потери своей власти и поэтому, естественно, искал опоры в русском правительстве. Русское правительство поддерживало Нурали, но за то требовало определенного курса политики, ко-

торая часто шла в ущерб национальным интересам киргиз-кайсацкого народа. Идя путем уступок русскому правительству и проводя русскую политику в орде, в конце концов хан Нурали превратился в русского чиновника, получавшего содержание из русской казны, правительство вечно грозило хану: если не сделаешь то-то, то не получишь жалованья. Превратившись в русского чиновника, хан почувствовал безответственность, свойственную царским воеводам того времени и стал злоупотреблять своей властью в орде. Он был корыстолюбив и несправедлив; притеснял и грабил враждебные его власти киргизские роды и таким образом возбудил к себе ненависть в орде... Проживая вдали от орды около русских границ, Нурали к концу своей долгой жизни потерял всякое влияние на внутренние дела орды»³.

Пограничные крепостные линии становились причиной конфликтов между казахами и прибывающим потоком переселенцев. Казахи Среднего жуза были недовольны тем, что в результате строительства Ишимской линии их лишили пастбища в междуречье Ишима и Иртыша. Еще раньше им запретили кочевать на правом берегу Иртыша. Зимой 1754–1755 гг. кочевники открыто пересекали кордон и выступали в конфликт с пограничными властями. Казахи Младшего жуза протестовали против ограничений в передвижении в междуречье Яика и Илека. Строительство в 1754 г. крепости на Илецком месторождении вызвало возмущение всех местных народов, испокон веков бесплатно пользовавшихся илецкой солью.

Во второй трети XVIII в. царизм активизировал политику христианизации. В 1731–1732 гг. начала действовать Новокрещенская комиссия, затем указом императрицы Анны Иоанновны от 11 сентября 1740 г. была учреждена Контора новокрещенских дел для обращения в православие мусульман и язычников Казанской, Астраханской и Воронежской губерний. Во главе этого учреждения был поставлен архиепископ Казанский и Свяяжский Лука Конашевич. К середине 1750-х гг. Луке удалось окрестить в Казанском крае 269213 душ. Здесь было закрыто и разрушено 418 мечетей из 536⁴.

В сложившейся обстановке башкиры решили поднять восстание мусульман России. Для объединения сил они прибегли к помощи известного религиозного деятеля мишар-

ского муллы Абдуллы Алиева по прозвищу Батырша. Современник событий оренбургский историк П. И. Рычков сообщает, что Батырша «... в 1754 году, как то по допросам открылось, по всей Башкирии и в другие места ездил с истолкованием своего закона, рассеивая в народ разные возмутительные мысли и якобы еще 1754 г. со многими волостями согласился, чтоб сделать бунт и усилясь склонить на то, с одной стороны, в Казанской губернии живущих магометан, а с другой киргизцев и прочих тамошних народов, а потом рассеял в разные места возмутительное письмо...»⁵.

Сохранившиеся документы свидетельствуют о предварительных переговорах башкир с казахами. Например, одним из переговорщиков был старшина Бурзянской волости Бикбулат Аркаев⁶. Впоследствии власти установили, что осенью 1754 г. башкиры ездили в Средний жуз и договорились, чтоб «... по разорении всех от Воздвиженской к Верхояицкой крепости почтовых станом и ближних заводов и крепостей в той орде приняты были, что де киргис-кайсацкой Аблай-салтан в таком случае учинить и обещал»⁷.

Скорее всего, Нурали и его братья султаны Айчувак (правитель семиродцев) и Ирали (правитель алиулинцев) знали о готовящемся восстании и в какой-то степени разделяли настроения мятежников. Известно, что Нурали выражал свое недовольство по поводу строительства русской крепости на реке Илек и порядком содержания его сыновей в качестве аманатов в Оренбурге⁸.

15 мая 1754 г. группа молодых башкир Бурзянской волости расправилась с начальником горно-изыскательной команды Брагиным и разорила близлежащий почтовый стан. Узнав, что оренбургский губернатор выслал карательный отряд, 124 бурзянца с семьями бежали к казахам. 21 мая они переправились через Яик между Кизильской крепостью и Березовским редутом. После переправы башкиры разгромили пытавшуюся преградить им путь команду капитана ландмилицкого Сергиевского полка Г. Лядомского и ушли в степь. Через два дня они были встречены казахами и разделены на две части: первая была уведена в Младший жуз в кочевья старшины джагалбайлинского рода Серки-батыра, вторая – в Средний жуз, к увак-гирейцам и кипчакам. Дорога в казахские улусы заняла 8 дней. Оставив семьи, повстанцы, в сопрово-

ждении казахов, двинулись обратно за имуществом и скотом⁹.

Неплюев сразу почувствовал всю опасность ситуации. Он решил во что бы то ни стало разрушить союз двух народов, дабы не повторились события начала 1740-х гг., когда разбитый предводитель восстания башкирский хан Карасакал, бежав в Казахстан и установив тесные связи с казахами, доставил немало хлопот российской администрации. 29 мая оренбургский губернатор направил Нурали письмо с требованием «злодеев-башкирцев в киргис-кайсакских улусах ограбить и разобрав по разным рукам, пленниками учинить». 7 июня аналогичное письмо было направлено правителю Аблаю¹⁰.

Нурали не сразу выполнил требование, и губернатору пришлось проявить настойчивость. Раз за разом он направлял хану, его братьям и знатным старшинам депеши с подарками, укорял хана за то, что его подвластные вместе с бунтовщиками-башкирами «между башкирских жилищ шатаются». В конце концов, Нурали поддался нажиму. В середине июля на реке Илек прошло совещание представителей верхушки Младшего жуза, которое вынесло нужное начальству решение. Через несколько дней алчинцы Ирали-султана напали на бурзянцев и приютивших их джагалбайлинцев¹¹.

Несмотря на принятые превентивные меры, 8 августа восстала вся Бурзянская волость. Повстанцы появились около Преображенского и Вознесенского заводов, 11 августа окружили вновь построенную Зилаирскую крепость. Вслед за бурзянцами поднялись племена усергенов, тангауров, тамьянцев и кипчаков. Разорив несколько почтовых станов и заводов, разбив пограничные отряды, башкиры со своими семьями, общим числом около 10 тысяч человек, ушли за границу. Часть из них была принята в Среднем жузе, часть – в Младшем жузе. Оставив семью, повстанцы с казахами стали совершать рейды в Башкирию, нападать на Яицкую и Сибирскую пограничные линии. Военные действия продолжались до глубокой осени. Правда, существенной помощи от казахов не последовало. Аблай откочевал на юг для урегулирования взаимоотношений с Джунгарией и Китаем, Нурали же изначально не годился в союзники. Тем не менее, ситуация в крае стала угрожающей: если бы Батырше и башкирским старшинам удалось поднять остальную

Башкирию и Поволжье и опереться на часть казахов, то последствия для властей были бы очень серьезными.

Нурали и его братья, под давлением Неплюева, развязали боевые действия против башкирских беженцев и приютивших их казахов. Оставшиеся в живых и избежавшие плена башкиры ушли на зимовку в Средний жуз, часть вернулась домой. Причем пограничные власти не препятствовали им. Рассказы беженцев взбудоражили Башкирию. Стали стихийно формироваться отряды возмездия. Они также беспрепятственно пересекали границу. В этом и состоял расчет Неплюева. В своих мемуарах он пишет: «Башкирцы ж, мужья и отцы, увидев в своих защитниках и обнадеживателях такое над женами их и над дочерьми насильства, принуждены нашлись защищать их с потеряннем жизни, и сим способом погибло немало башкирцов и киргисцов <...> Многие, потеряв матерей, сестер и жен своих и дочерей, приезжали ко мне просить дозволения переехать им за Яик для отмщения и воздаяния за обиду обманувших их киргизцам; я в них более старался влагать к ним ненависти <...> озлобленные башкирцы обратили всю свою ярость на ближайшие киргизские улусы, многих побили и взяли их жен и детей и весь скот <...> Сие происшествие положило таковую вражду между народами, что Россия навсегда от согласия их может быть безопасна»¹².

Более всех пострадали алчинцы. Это означает, что башкиры совершали глубокие рейды, вплоть до Аральского моря. Весной 1756 г. восстание переросло в башкирско-казахскую войну. В мае Нурали обратился с жалобой на башкир, на что Неплюев ответил, что этих бед можно было избежать, если бы казахи не оказали прием бунтовщикам. В другой раз хан жаловался, что до него доходят слухи, будто башкиры «от киргис-кайсака лошадей отгоняют по приказанию генеральскому»¹³.

Эти события оставили глубокий след в памяти двух народов и во многом определили характер дальнейших отношений. В сентябре 1760 г. в степи произошло убийство ханского племянника Мамбет-Али и двадцати знатных старшин родов Ожрай, Кипчак, Шекты и Тама. Было подозрение на башкир, работавших в разведывательной партии Тимашева, что вызвало негодование у казахов, и «султан Айчувак собрал около 10000 человек, чтобы двинуться на разорение крепостной

линии»¹⁴. 19 января 1761 г. Сенат рассматривал доношение оренбургского губернатора А. Р. Давыдова с приложенными письмами Нурали-хана и Айчувак-султана «с нареканием на башкирцев, якобы они, будучи в прошедшем сентябре месяце за Яиком рекою с надворным советником Тимашевым, в числе 200 человек для прииска к заводам его сиятельства сенатора генерал-аншефа и кавалера графа Александра Ивановича Шувалова медных рудников убили до смерти салтана и 19 человек киргисцев». После обсуждения Сенат пришел к заключению, что «...о таком смертном убийстве, кроме полученных от Нурали-хана и брата его Айчувак-салтана писем, другого достоверного известия нет и надворный советник Тимашев <...> обнадеживает, что в бытность его за Яиком от них ничего противного произойти не могло»¹⁵.

Еще более враждебными были взаимоотношения казахов с линейными казаками и солдатами, участвовавшими как в санкционированных карательных операциях, так и самовольных грабительских набегах. Историк М. Вяткин пишет: «В качестве репрессивных мер против казахов, заподозренных в нападении на линию или на караваны, применялся захват приезжавших на линию казахов и так называемая пограничная бармта, т. е. нападения русских пограничных отрядов на казахские аулы <...> Бармты устраивались в степь по всякому мелкому предлогу, и нередко нападения казахов на пограничную линию, которые служили основанием для организации бармты, измышлялись или крайне преувеличивались местной администрацией. Бармта превращалась в одну из форм колониального грабежа»¹⁶. В. В. Вельяминов-Зернов утверждает, что идея такой бармты была подсказана русским самим Нурали-ханом в 1749 г.¹⁷

С 1760-х гг. правительство начинает менять политику по отношению к своим новым подданным, постепенно переходя от дипломатических приемов к административно-полицейским. 17 ноября 1766 г. Коллегия иностранных дел следующим образом наставляла оренбургского губернатора А. А. Путятину: «Киргис-кайсаки, становясь время от времени продерзостнее, производят здесь нужду заблаговременно мыслить и намерение положить, каким образом удобно было б, естли от них когда великия злодейства произойдут, чего и в самом деле чаять можно, ежели далеко от здешних границ в степь отлучатся,

смирить их за то оружием и привести к нашей стороне в почтение так, как они напредь сего боялись зенгорцев, а ныне китайцов, по неупущению им никаких противных поступок, и в какое время над ними произвести для того поиски, и сколько к тому надобно будет нарядить яицких казаков, башкирцов и волских калмык. А особливо, не можно ли будет обойтись и без башкирцев, яко их однозаконцев, дабы они прежде времени их не уведомили. И не надобно ли где приготовить для подкрепления регулярную команду, и с какой стороны их атаковать. О том о сем имеете Вы положить Ваши разсуждения...»¹⁸.

Казахско-русские противоречия, сложная обстановка в Младшем жузе нашли отражение в таком неоднозначном явлении, как движение под руководством Срыма Датова. В 1784 г. его отряды действовали на Нижнеуральской линии, в районе Орской крепости, готовилось нападение на линию между Верхнеуральской крепостью и Илецким городком. В феврале 1785 г. против Срыма был направлен генерал-майор Смирнов с 237 оренбургскими казаками и 2432 башкирами. Действия карателей вызвали недовольство в Младшем жузе и привели к активизации движения. В ответ Оренбург послал дополнительные отряды казаков. Нурали никак не контролировал власть в орде и оправдывался перед О. А. Игельстромом своим бессилием. В этой обстановке генерал-губернатор пошел на сближение со старшинами. Осенью 1785 г. по его инициативе состоялся съезд старшин, который поставил вопрос о смещении хана Нурали и разделении жуза на три части-Байулинскую, Семиродскую, Кара-кисецкую, а батыр Срым был поставлен «начальным советником» во всей орде. В апреле 1786 г. Нурали бежал в Уральск, а 3 июня Екатерина II своим указом отстранила его от власти. Беглец был вызван в Оренбург и оттуда отправлен в Уфу, являвшуюся в то время административным центром края¹⁹.

Впрочем, крах Нурали как правителя произошел раньше: еще в 1783 г. он требовал от генерал-губернатора А. И. Апухтина защиты от собственных подданных, а в следующем году уже просил об отставке²⁰.

Представляют интерес обнаруженные автором некоторые подробности последних лет жизни опального хана. В Уфе он жил под охраной караула Пермского пехотного полка. В 1790 г. Нурали регулярно жаловался на

свою болезнь подагрой²¹. На содержание его и свиты Уфимская казенная палата выделяла крупные суммы: в 1789 г. – 5 тыс. р., в 1790 г. – 4 тыс., в 1791 г. – 4 тыс.²²

Последний факт опровергает принятую в исторической литературе дату его смерти – 1790 г. Судя по сохранившемуся письму его сыновей от 1792 г., в котором они жалуются на притеснения, последовавшие после смерти отца²³, Нурали умер не позднее указанного года. В его похоронах в Уфе местные мусульмане отказались участвовать²⁴.

События 1755 г. стали апогеем многовековой совместной истории башкир и казахов, завершившейся неожиданным разрывом. Важную роль в таком резком повороте сыграла политика «*Divide et impera*», искусно осуществленная Неплюевым. Однако, как мы видели, сказались и такие факторы, как внутреннее положение Младшего жуза и личные качества Нурали-хана. По мере укрепления позиций царизма в Казахстане башкирско-казахские отношения переходят под полный контроль администрации и теряют политическое значение. Происходит парадоксальный процесс: интеграция двух родственных народов в одно государство приводит к их разделению и отчуждению друг от друга.

Примечания

¹ Чулошников, А. П. Восстание 1755 г. в Башкирии. М. ; Л., 1940.

² Об этом подробнее см.: Таймасов, С. У. Башкортостан и Казахстан в период становления Оренбургской губернии. Стерлитамак, 2006.

³ Рязанов, А. Ф. Батырь Срым Датов // Совет. Киргизия. 1924. № 10. С. 94–95.

⁴ Чулошников, А. П. Указ. соч. С. 65–66.

⁵ Рычков, П. И. Топография Оренбургской губернии. Уфа : Китап, 1999. С. 183.

⁶ НА УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 2. Д. 139. С. 204–208, 217.

⁷ Сенатский архив. Т. IX. Протоколы Правительствующего Сената. 1753–1756 гг. СПб., 1901. С. 388.

⁸ Казахско-русские отношения в XVI–XVIII веках : сб. док. и материалов. Алма-Ата : Изд-

во АН Каз. ССР, 1961. С. 456, 528, 533–534.

⁹ ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 37. Л. 71, 101–101 об.; Д. 63. Л. 154, 276–278 об.; ЦГИА РБ. Ф. 1. Д. 3381. Л. 107; Чулошников, А. П. Указ. соч. С. 93.

¹⁰ НА УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 2. Д. 139. С. 149, 151, 169, 176.

¹¹ ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 37. Л. 163–163 об.; НА УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 2. Д. 139. С. 149, 181, 186, 189; Чулошников, А. П. Указ. соч. С. 95.

¹² Жизнь И. И. Неплюева (им самим написанная) : факсимил. изд. «Записок И. И. Неплюева». Оренбург : Оренбург. губерния, 2004. С. 157, 159, 161.

¹³ Чулошников, А. П. Указ. соч. С. 105.

¹⁴ Вяткин, М. Очерки по истории Казахской ССР. Л. : Огиз. Госполитиздат, 1941. Т. 1 : С древнейших времен по 1870 г. С. 168–169.

¹⁵ Сенатский архив. Т. XII. Протоколы Правительствующего Сената 1761, 1762, 1763 гг. СПб., 1907. С. 5; Крафт, И. И. Сборник узаконений о киргизах степных областей. Оренбург, 1898. Приложение. С. 83.

¹⁶ Вяткин, М. Указ. соч. С. 170–171.

¹⁷ Вельяминов-Зернов, В. В. Исторические известия о киргиз-кайсаках и сношениях России со Среднею Азиею со времени кончины Абуль-Хайр хана (1748–1765 гг.) Т. 1. Уфа, 1853. С. 18.

¹⁸ Казахско-русские отношения в XVI–XVIII веках. С. 683–684; Рязанов, А. Ф. Указ. соч. С. 96–97.

¹⁹ Рязанов, А. Ф. Указ. соч. С. 98, 101; История Казахстана (с древнейших времен до наших дней) : в 5 т. Т. 3. Алматы : Атамур, 2000. С. 227–228; Казахско-русские отношения в XVIII–XIX веках (1771–1867 годы) : сб. док. и материалов. Алма-Ата : Наука, 1964. С. 125.

²⁰ АВПРИ. Ф. 122. Оп. 2. Д. 1. 1784 г. С. 1–3.

²¹ НА УНЦ РАН. Ф. 23. Д. 3. Л. 76 об., 137.

²² ЦГИА РБ. Ф. 138. Оп. 1. Д. 815. Л. 285; Д. 816. Л. 72; Д. 817. Л. 74–74 об.

²³ АВПРИ. Ф. 122. Оп. 2. Д. 1. 1792 г.

²⁴ Валиди, А.-З. История башкир. История тюрок и татар (на баш. яз.) Уфа : Китап, 1994. С. 127.